

ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ В ГЕНЕЗИСЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИКОНОБОРЧЕСТВА (726–843 гг.)

Статья посвящена проблеме влияния природных катаклизмов на возникновение византийского иконоборчества. Рассматривается вопрос интерпретации стихийных бедствий применительно к иконоборческому периоду. Представлен анализ двух концепций: согласно первой, стихийные бедствия были истолкованы как наказание за иконопочитание, по второй – за иконоборчество.

Ключевые слова: Византия, иконоборчество, иконопочитание, Лев III Исавр, патриарх Никифор, природные катаклизмы, равненское землетрясение, Феофан Исповедник.

Природные катаклизмы оказывали значительное влияние на ход мировой истории – и самым своим фактом и его переживанием обществом, которое в определенные исторические периоды наделяло их особыми смыслами. Обращение к данному вопросу связано и со стихийными бедствиями, происходящими в наше время. Цунами в Таиланде, землетрясение в Японии, наводнение в Крымске, наводнение в Дербенте... Таким образом, сама жизнь актуализирует проблему выявления взаимосвязи стихийных бедствий как с прецедентами современности, так и с явлениями в мировой истории.

Проблема стихийных бедствий в освещении христианских авторов часто связывается с жизнью общества и политическими событиями. Христианские источники нередко свидетельствуют о любом землетрясении как о чудесном предзнаменовании [27, р. 47]. Впрочем, огромный интерес к землетрясениям отмечается и в ранних религиозных и магических космологиях, на что обращает внимание итальянская исследовательница Э. Гвидобони. Землетрясения воспринимались как проявления божественности Посейдона, Зевса или результат действий мифологических фигур. До IV в. сведения о землетрясениях фиксировались с учетом их религиозных и магических значений, и эта традиция продолжалась значительно дольше [27, р. 48]. Христианство рассматривало землетрясения как божественный феномен, стоящий над законами природы; как проявление Божественного промысла, который сотрясает землю с целью сообщить нечто, либо наказать за моральные или религиозные проступки [27, р. 50]. В 102 фрагменте у Филастрия сообщается следующее: ересью является вера в то, что землетрясения происходят не по воле и гневу Божию, но в силу самой природы вещей, поскольку не принимается во внимание то, что говорит Писание [29, col. 1216; 27, р. 50].

В сознании византийцев землетрясения считались проявлением таинственной Силы Божией, неким эсхатологическим признаком Второго Пришествия [27, р. 52]. «Согласно эсхатологическим представлениям византийцев, основывавшимся на Апокалипсисе (Откр. 6:12; 8:5; 16:18), перед концом света, во времена Антихриста, должны последовать страшные землетрясения...» [4, с. 183].

В Новом Завете, в Апокалипсисе написано следующее: «И в тот же час произошло великое землетрясение, и десятая часть города пала, и погибло при землетрясении семь тысяч имен человеческих; и прочие объята были страхом и воздали славу Богу небесному. Второе горе прошло; вот, идет скоро третье горе. И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр. 11:13–15).

Природные катаклизмы интерпретируются как некий знак гнева Божьего. В связи с этим интересно проследить, как в христианской традиции стихийные бедствия осмыслились по отношению к истории византийского иконоборчества. Известные византийские историки Феофан Исповедник (ок. 760–818 гг.) и патриарх Константинопольский Никифор (ок. 758–828 гг.) повторяли рассказы об извержении подводного вулкана, случившимся в 726 г. Они описывали картину, как кипело море между островами Фирасом¹ и Фирасием², под действием огня образовывались камни, дым приобретал огненный вид, огромные камни загромодили все море около Малой Азии у Лесбоса, Абидоса до самой приморской Македонии. Вследствие этих аномальных процессов образовался новый остров, подобно прежде возникшим островам Фире и Фирасии [20, с. 295–296; 11, с. 342–343.]

И Феофан Исповедник [20, с. 296], и патриарх Никифор [11, с. 343] упоминают о реакции на это событие императора Льва III Исавра (717–741 гг.): царь, узнав об этом происшествии, подумал, что последнее явилось знамением гнева Божьего против иконопочитания. По мнению К.Н. Успенского, историки описывая вышеозначенные события, пользовались одним источником [19, с. 211–212]. Таким образом, византийские историки связывали вышеописанный катаклизм (точнее его интерпретацию Львом Исавром) с иконоборческой политикой, инициированной императором. По патриарху Никифору и Феофану Исповеднику, можно говорить о влиянии внешних факторов, в том числе стихийных бедствий на возникновение иконоборчества. Кстати, византийский историк конца XI в. – начала XII в. Георгий Кедрен, в том числе, описывал данный катаклизм и признавал особую роль последнего в возникновении иконоборческого движения [25, col. 871 BC].

Данное извержение вулкана, соответственно, могло быть использовано иконоборцами против православия. Но существует и другая интерпретация стихийного бедствия, рожденная в среде иконопочитателей: патриарх Никифор считал, что катаклизмы явились следствием иконоборчества [11, с. 346–347]. Помимо извержения вулкана и землетрясения такому толкованию были подвергнуты также и другие природные катаклизмы. Например, болезни, дождь, мрак, буря, великий мороз, сильный град, ливень, ненастье и непостоянство погоды. Патриарх Никифор говорил о появлении смертоносной болезни, вследствие которой люди погибали и исчезали [11, с. 346]. Причем, особую силу болезнь приобрела именно в Византии. Зараза сопровождалась также появлением страшных чудес: крестообразных фигур на священных облачениях, на одежде, на дверях.

Патриарх Никифор свидетельствовал: «Эти явления порождали у всех великий ужас и изумление, как предвещавшие близкую гибель... Все это людям благомыслящим представлялось посещением гнева Божия за то, что тогдашний безбожный и нечестивый царь и все те, кои согласились с его преступным учением, дерзнули наложить руки на святые иконы к поношению церкви Христовой» [11, с. 346–347].

Феофан Исповедник также считал стихийные бедствия наказанием за иконоборчество. Феофан пишет следующее: «заразительная смерть... наказывала не-

честивого Константина и отвращала его от неистовства против святых церквей и досточтимых икон, хотя он как древний фараон остался неисправимым» [20, с. 309]. Феофан Исповедник говорил о появлении красных маслянистых крестиков на церковных одеждах и на платьях людей. «Горесть и отчаяние овладели всеми по неведению сего знамения: гнев Божий нещадно истреблял не только жителей в городе, но и во всех окрестностях его» [20, с. 309].

Еще одним источником, трактующим природные катаклизмы как наказание за иконоборчество является «Повесть, рассказывающая о святых и честных иконах, и как и по какой причине святая Великая и соборная Церковь Божия приняла ежегодно справлять [праздник] Православия в первое воскресенье святого Поста» [14]. Данное произведение описывает события второго периода византийского иконоборчества. А именно, царствование и кончину византийского императора-иконоборца Феофила (829–842 гг.), а также обстоятельства, касающиеся самодержца после его смерти.

Итак, повесть освещает следующие события: «И Константинополь был сожжен холодом и суровойшей и великой зимой – а еще была долгая и свирепая, и тяжелейшая зима, и сильный голод; зной и воспламенение воздуха, и ненастье и непостоянство погоды, а к тому же и страшные и частые землетрясения, обличавшие безмерную порочность и злочестие правителя» [14, с. 94–97]. Таким образом, автор повести связывает природные катаклизмы с поведением императора. Видимо, под порочностью и злочестием подразумевается приверженность императора Феофила иконоборчеству – в следующем пассаже автор указывал на то, что император Феофил «превозмог даже богомерзкое злодейство» императора-иконоборца Константина V Копронима (718 (имп. с. 741) – 775 гг.) и других императоров-иконоборцев [14, с. 96–97].

Георгий Монах (Амартол), хронист IX в. также, говоря о правлении императора Феофила, специально отмечал, что катастрофические явления: великий мороз, сильный град, дождь, мрак, ливень, буря и частые страшные землетрясения обличали согрешение и злодеяние императора, который воспринял ересь. [9, с. 501].

Данная интерпретация стихийных бедствий в связи с иконоборческой деятельностью императора Феофила содержится в славянском переводе XIV в. (на болгарский язык) хроники Константина

Манассия (XII в.): «По Михаиле же цартова сын его Феофил... якоже скверный Копроним. Такового ради его беззакония... мраз же бысть лют и труси страшни на обличение того беззакония» [15, с. 337]. В греческом тексте мы этих данных не нашли, но проблема осложняется тем, что до сих пор не существует критического издания греческого текста Константина Манассии [24].

Значимый след оставило в памяти современников равеннское землетрясение 725–744 гг. Хотя источники не говорят напрямую о влиянии последнего на начало византийского иконоборчества, однако, не исключена возможность того, что это землетрясение также могло быть расценено как свидетельство гнева Божия на иконопочитание. Андрей Агнелл упоминает о землетрясении, постигшем Равенну и Классе, в трех местах своего труда, но, в основном, в главе 89 (с. 335–336), где, говоря о жизни епископа Агнелла (вторая половина VI в.), он пишет следующее: «он переосвятил крещальню в церкви св. Мартина, украсил ее мозаиками, но апсида церкви, поколебленная землетрясением, была разрушена в период архиепископа Иоанна V Младшего...» [23, р. 335–336; 27, р. 361].

Данное землетрясение упоминается также в «Жизни Иоанна V», 39 епископа, в связи с церковью, известной как базилика Петриана. В главе 151, с. 376 написано следующее: «Иоанн, 39 (епископ). Он был очень терпеливый, смиренный и мягкий. Во время его епископства базилика Петриана обвалилась вследствие землетрясения после мессы в воскресенье» [23, р. 376; 27, р. 361–362]. Затем, в главе 155 Андрей Агнелл отмечает, что в период архиепископа Сергия произошли следующие события: «Он решил перестроить базилику Петриану, которую полностью разрушило землетрясение...» [23, р. 378; 27, р. 362].

Применительно к обсуждению в историографии проблемы связи византийского иконоборчества со стихийными бедствиями можно сказать следующее.

В.В. Болотов [3, с. 679] и А.В. Карташев [8, с. 582] указывали на восприятие политической элитой византийского общества извержения вулкана в 726 г., которое описывали Феофан Исповедник и патриарх Никифор, как наказания Божьего за почитание святых икон византийцами. По мнению современных исследователей К. Шенборна [21, с. 141], К. Манго [28, р. 1], император Лев III Исавр (717–741 гг.) интерпретиро-

вал данный катаклизм 726 г. гнев Божий против иконопочитания. Д.Е. Афиногенов, говоря о втором периоде иконоборчества (787–843 гг.), указывает на интерпретацию стихийных бедствий автором вышеназванной «Повести о прощении императора Феофила» как гнева Божия на несправедную власть и народ [1, с. 86; 2, с. 131].

Подавляющее большинство ученых признают определенную взаимосвязь стихийных бедствий и византийского иконоборчества [5, с. 39; 6, с. 527; 12, с. 221; 13, с. 72–73; 26, р. 94, 110–111]. Однако, с данной концепцией не согласны другие исследователи: Г. Яред, К.Н. Успенский и Е.Э. Липшиц [22; 10; 18; 17]. Г. Яред высказался против достаточно скептически [22, с. 729]. Е.Э. Липшиц, исходя из марксистской идеологии, критиковала сообщения о роли природных катаклизмов в возникновении иконоборчества [10, с. 182]. К.Н. Успенский говорил о тенденциозности убеждений, связывающих природные катаклизмы с византийским иконоборчеством [18, с. 425; 17, с. 238].

Подводя итог, следует отметить, что данные исследователи слишком категоричны в своих выводах. Они не учитывают того, что для средневекового человека все было взаимосвязано. Если человек являлся венцом творения и владыкой мира, то тем самым его преступления приводили к хаосу в природе.

Итак, стихийные бедствия, случившиеся в Средиземноморском регионе в VIII в., были истолкованы различными партиями по-своему [7, с. 453; 16, с. 446]. Иконоборцы рассматривали катаклизмы как наказание за иконопочитание, а иконопочитатели как возмездие за иконоборчество. Природные катаклизмы использовались в идеологической борьбе как сторонниками, так и противниками иконопочитания. Так как конечная победа была на стороне иконопочитателей, то в христианской традиции закрепилось убеждение, что катаклизмы явились знамением гнева Божьего против иконоборчества.

Таким образом, на основе источников было изучено влияние природных катаклизмов на возникновение и идеологию византийского иконоборчества. Византийцы, будучи людьми религиозными, связывали стихийные бедствия с догматическими вопросами, истолковывая их как наказание Божье и используя как аргумент в развернувшейся в империи идеологической борьбе иконопочитателей и иконоборцев.

- [1] Афиногенов Д.Е. Замерзший Босфор и святые иконы // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. – 1997, № 4. – С. 85–93.
- [2] Афиногенов Д.Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия. – Москва: Индрик, 2004. – 192 с.
- [3] Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 3–4. История церкви в период вселенских соборов. – Минск: Харвест, 2008. – 768 с.
- [4] Василек В.В. Отражение стихийных бедствий в кондаках святого Романа Сладкопевца. // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей Сретенской духовной семинарии. – 2010, вып. 2. – С. 179–207.
- [5] Величко А.М. История византийских императоров в пяти томах. Т. III. – Москва: ФИВ, 2010. – 416 с.
- [6] Дворкин А.Л. Очерки по истории вселенской православной церкви: курс лекций. – Москва; Нижний Новгород: ООО «Риза», Изд-во «Христианская библиотека», 2008. – 937 с.
- [7] Иконоборство и римские папы // Христианское чтение. Ч.1. – 1865. – С. 447–493.
- [8] Каргашев А.В. Вселенские соборы. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 686 с.
- [9] Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: текст, исследование и словарь. Т. I / Изд. подг. В.М. Истрин. – Петроград: Издание отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук, 1920. – 612 с.
- [10] Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VII – первая половина IX века. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 483 с.
- [11] Никифора, святого отца нашего, патриарха Константинопольского, краткая история со времен после правления Маврикия // Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. – Минск: Харвест, 2001. – С. 305–356.
- [12] Острогорский Г.А. История Византийского государства / Пер. М.В. Грацианского; ред. П.В. Кузнецов. – Москва: Сибирская Благовонница, 2011. – 895 с.
- [13] Остроумов Г. Догматическое значение седьмого вселенского собора. Научно-историческое исследование важности и необходимости иконопочитания по поводу заблуждения г. Пашкова и его единомышленников. – Карлсруо: Придворная типография В. Гаспера (Ф. Гокеля), 1884. – 203 с.
- [14] Повесть, рассказывающая о святых и честных иконах, и как и по какой причине святая Великая и соборная Церковь Божия приняла ежегодно справлять [праздник] Православия в первое воскресенье святого Поста // Афиногенов Д.Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия / Пер. Д.Е. Афиногенова. – Москва: Индрик, 2004. – С. 89–115.
- [15] Русский хронограф. Ч.1. Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 22. – 1911.
- [16] Терновский Ф.А., Терновский С.А. Греко-Восточная церковь в период вселенских соборов. – Киев: Университетская типография (И. Заводского), 1883. – 551 с.
- [17] Успенский К.Н. Очерки по истории Византии. Ч.1. – Москва: Издательское Общество при Историко-Философском факультете Московских Высших Женских Курсов, Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1917. – 268 с.
- [18] Успенский К.Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его хронография // Византийский Временник. Т. 3. – 1950. – С. 393–438.
- [19] Успенский К.Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его хронография (Продолжение) // Византийский Временник. Т. 4. – 1951. – С. 211–262.
- [20] Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского; предисловие О.М. Бодянского. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1884.
- [21] Шенборн К. Икона Христа: Богословские основы / Пер. Е.М. Верещагина; под ред. Е. Гейнрихс. – Милан–Москва: Христианская Россия. 1999.
- [22] Яред Г. Отзыв о св. Фотие, патр. Константинопольском его современников – в связи с историей политических партий византийской империи // Христианское чтение. – 1872, № 4. – С. 710–750.
- [23] Agnellus. Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum Rerum Langobardicarum et Italicarum. / Ed. O. Holder-Egger. – Hannover, 1978. – P. 263–391.
- [24] Constantini Manassis. Compendium chronicum // Patrologia cursus completus, series graeca. Т. 127. – 1864. – Col. 219–427.
- [25] Georgii Cedreni. Compendium historiarum // Patrologia cursus completus, series graeca. Т. 121. – 1894. – Col. 23–1166.
- [26] Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III with Particular attention to the Oriental Sources. – Louvain, 1973. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 346. Subsidia 41). – 220 p.
- [27] Guidoboni E., Comastri A., Traina G. Catalogue of ancient earthquakes in the Mediterranean area up to the 10th century. – Bologna: Istituto Nazionale di Geofisica, 1994. – 504 p.
- [28] Mango C. Historical introduction // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. / Ed. A. Bryer, J. Herrin. University of Birmingham. March 1975. – Birmingham, 1977. – P. 1–6.
- [29] Sancti Philastrii episcopi Brixiani. Liber de haeresibus, cum praecedentibus prolegomenis // Patrologia cursus completus, series latina. Т.12. – 1845. – Col. 1049–1302.

¹ Современная Фира (Тира) – столица острова Санторини, находящаяся на вершине утеса, на краю древнего вулкана.

² Современный остров-вулкан Санторини.